

ВСТРЕЧА С ЛЕГЕНДОЙ

Наш собеседник — Ольга Георгиевна Миронец, кандидат педагогических наук, эксперт Пермского регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Содействие детскому отдыху», легендарный старший вожатый ВДЦ «Орлёнок», г. Пермь

- вожатый • летние лагеря • детские лагеря • традиции и новации
- воспитание • воспитание педагогов • игры

— Если спросить вашего лучшего друга, в чём ваша сила, что он скажет?

— Я думаю, вспоминая обо мне, мои друзья в первую очередь могут рассчитывать на поддержку. Мы можем жить в разных городах, но сила сообщества, сила содружества, сила команды всегда с нами. Один в Москве, другой в Санкт-Петербурге, третий в Омске, Томске, но это команда. И мои друзья знают, что я всегда поддержу. Это не столько сила, сколько, наверное, возможность. Возможность взаимодействия и возможность бесконечного развития друг друга. Были разные времена, порой кто-то уходил далеко вперёд, кто-то останавливался, случались сомнения и трудности, но феномен негласного «орлянского» братства в том, что мы можем годами не видеться, но если встретились, то общение начинается сразу, с той самой точки, как будто мы только что расстались. Для меня это очень ценно, важно, и именно это я вкладываю в понятие «друг». Наше братство хранит традиции и внутреннюю романтику, ту нежную влюблённость в наше дело. Это дорогого стоит.

— С чего началась ваша лагерная история? Когда это случилось? Были ли вы сами вожатой?

— У меня было очень счастливое детство, не пионерское, я никогда не была в пионерском лагере ребёнком. Сейчас много говорят о традициях подготовки кадров, а мне нравится слово «выращивание», оно, может быть, не совсем научно и очень редко используется по отношению к персоналу, но, согласитесь, любое зерно, любое семя сначала нужно прорастить, а потом вырастить, очень бережно охранять. Я как раз из таких «выращенных» вожатых. Начала работать, будучи школьницей, в Пермской 131-й школе, низкий поклон наставникам. Моя первая учительница жива — это Галина Михайловна Амосова, не бывает такого первого сентября, не бывает такого Дня учителя, чтобы я ей не позвонила. Почему? Потому что стройная и очень гармоничная система воспитательной работы в школе научила нас понимать, что мы делаем и для чего. Мы не просто были октябрятами, мы не просто делились на звёздочки, мы точно знали, как и кому помочь. Потом был Совет друзей октябрят, а потом, в 1974 г., меня отправили в Артек, на Всероссийский сбор Советов друзей октябрят. Вы понимаете, вот так оно строилось — выращивание и собирание по всему Союзу, собирание лучших

вожатых. И теперь, когда мне задают вопрос: «Вы работали во всех Всероссийских детских центрах по душе, по настрою вы больше к кому тяготеете?» И действительно, у меня за плечами Артек, «Орлёнок», «Океан», «Смена», «Зеркальный», «Молодая гвардия», «Зубрёнок»... Не могу их разделить. Артек — это, безусловно, лагерь счастливого детства, лагерь воспоминаний, лагерь мягкой романтики. Мои артековские вожатые не учили нас ни лидерству, ни организационным, ни коммуникационным навыкам, они дарили нам самих и просто делились тем, что умели сами. Мой первый вожатый был джазовым музыкантом; конечно, мы пели артековские песни, но при этом он нам показывал и красоту джаза. А его напарница была лауреатом балетных танцев, и, готовя нас к конкурсу балетных танцев, она подспудно рассказывала нам о том, что такое девичья красота, о женственности, о гибкости и хороших манерах. «Орлёнок» — это уже про профессиональное становление, это уже формирование видения и педагогической дальновзоркости.

— Скажите, вы всему научились в лагерях, или у вас всё-таки есть педагогическое образование?

— Я окончила Педагогический институт имени Короленко, который находится в удмуртском городе Глазове, и по основной специальности я учитель русского языка и литературы. Но учиться я начала, уже работая в «Орлёнке». Для меня всегда было очень

сложно уехать на сессию, как и для многих вожатых. Я не хочу сказать, что училась легко, потому что мне никогда не делали скидок на то, что я работала в «Орлёнке». Сколь убедительно бы я ни говорила, что я практик, что знаю основы общей педагогики и педагогики сотрудничества, с меня спрашивали по полной строгости, потому что это Удмуртия, это Вятка, наши преподаватели прошли период репрессий, и многие были туда сосланы из Москвы, Ленинграда и даже Новосибирска. Это были настоящие наставники, авторы учебников, новых методик, очень глубокие исследователи, у которых мы с благоговением учились. От них я переняла опыт работы с аудиторией, приёмы взаимодействия, принципы понимания, научилась ответственности за студентов и перед студентами. Вот это, конечно, самая большая ценность моего педагогического вуза.

— В каком году вы пришли работать в «Орлёнок»?

— Это отдельная история. В «Орлёнок» я попала совершенно случайно, это был 1981 год, сентябрь, Всероссийский сбор вожатых, я не думала не гадала, что этот лагерь станет моей судьбой.

Я тогда работала вожатой в своей родной школе, и мне вдруг говорят, что через три дня нужно уезжать на сборы. Но в итоге собралась и попала на смену, где методисты ВДЦ продемонстрировали нам всю технологию работы: начиная с заезда, распределения по отрядам, всю методику работы с временным детским коллективом. Нас распределили в лагерь «Комсомольский», от приёмного корпуса до «Комсомольского» идти достаточно долго, нужно пройти все дружины, мы шли, восхищаясь, и члены нашей делегации постоянно дёргали меня: «Ну, посмотри, как красиво, давай сфотографируемся, посмотри, какой у них стадион, посмотри, какие корпуса, это же уникально». А я им так спокойно отвечала: «Ребята, я могу не фотографироваться, я много раз ещё всё это увижу, я буду здесь работать». Они не верили и хохотали. А когда мы спустились по центральной лестнице в «Комсомольский» (прежнее название — «Лесной»), и я увидела волшебство этого места, затерянного в лесу, в бухте, — это навсегда определило мой дальнейший путь. Возвращалась в Пермь безо всякой надежды, потому что на сборе пояснили, что одного желания недостаточно, настолько серьёзный отбор в «Орлёнок», брали лучших из лучших: «Ждите, может быть, вызовут, пригласят». Но так получилось, что мою фамилию в блокнотик записал Виктор Петрович Кошечев, и безо всякого отбора, просто по собеседованию, я попала в лагерь комсомольского актива. Я не верю в случайности, я верю в открытые пути, если это действительно твоё. Когда я приехала в «Комсомольский» и начала учиться в школе вожатых, то совершенно точно знала, что пройдёт какое-то время — и я буду здесь преподавать, буду учить будущие поколения вожатых. Мне кажется, это сразу понял и Сергей Иванович Панченко. Так и получилось — буквально через два года работы в «Комсомольском», я уже готовила свой первый вожатский отряд. Чем всегда отличался «Комсомольский» от других лагерей «Орлёнка» — это удивительной требовательностью друг к другу. Комиссары «Комсомоль-

ского» всегда чувствовали большую ответственность перед вожатским отрядом «Родник», поэтому после всех отрядных огоньков, после ночных планёрок в «Комсомольском», после наших планёрок в школе вожатых у нас ещё проходили ночные планёрки, когда с нас наш вожатский отряд спрашивал: «А что у вас происходит в ШПВ?» (Школа подготовки вожатых — прим.). То, что в современной терминологии называется «командообразование», шло под корректным, но всё равно под подспудным контролем и управлением действующего вожатского отряда. Я не считаю, что это плохо, да — это было строго, иногда мне приходилось доказывать и убеждать, что мой первый выпуск ШПВ очень сильный (там действительно был такой отбор, приехали лучшие методисты Дворцов пионеров Липецкой области, Пермского края, Курска, и они сами могли кого угодно чему угодно научить), но всегда по существу. Мои выпускники задавали вопросы: «Почему вы говорите вот так по методике, а можно же ещё вот так?» И из этого рождалось творчество. Почти у всех нас был опыт коммунарского движения. И когда сегодня звучит словосочетание «Фрунзенская коммуна», я могу подхватить и продолжить этот список «Форпостом», Горловкой, Пермским юнкоммом, Пермским клубом юных коммунаров, и мне были понятны все принципы, все способы работы в «Орлёнке». Но, даже если у кого-то и получалось работать лучше, всё равно в «Орлёнке» был дух, атмосфера, неповторимое природно-символическое пространство, это во многом определило его успех.

— Вас называют «человеком-легендой». Если обернуться назад, на прожитые годы, за что вы можете похвалить себя, и сказать себе: «Оля, ты действительно легенда».

— Нет, я никогда не буду гладить себя по головке, хотя мне все говорят о моих заслугах и достижениях. Я никогда не считала себя легендой, возможно, кто-

то назовёт это самоедством, но для меня важнее быть в движении, чем забронзоветь раньше времени. Могу рассказать не о себе, а о сменах, которые запомнились на всю жизнь. Например, моя первая смена в «Комсомольском» (это была Всесоюзная смена агитбригад). Так сложилось, что у меня в отряде были все четыре лидера смены, четыре победителя, это такая сила, это такая мощь! И так сложно, когда ты в этом ничего не понимаешь, когда ночами тебе приходится работать: с ведущими репетировать, постигать закулисные сценические движения, сценической речи, чтобы ты утром, выйдя на отряд, могла бы с детьми на одном языке говорить. А они зубастые, яркие, на каждом шагу пытаются уличить в непрофессионализме. «Вы бы занимались отрядной работой, Ольга Георгиевна, в нашем деле вы не профи». Но мы мобилизовались с «Родником» и сделали такую вожатскую агитбригаду, что чуть Кавказские горы не снесли своей энергией, и дети сказали: «Мы так не можем, ну вы и профи!» Два дня пересменка, и заезжают детские дома, и там оказались очень сложные дети, на наш лагерь переключились все психологи и консультанты «Орлёнка», которые заехали на эту смену, потому что мы никогда не сталкивались с такими проблемами, мы никогда не сталкивались со спецификой этих детей. Два дня пересменки, и наступает третья смена — у меня в отряде творческие коллективы, и ты не имеешь права сказать, что не знаешь, как строится репетиционный процесс, чем отличаются балетные танцы от фольклорных, по ночам ты начинаешь осваивать эту смену, эту сферу, эти понятия. Нон-стопом идёт четвёртая смена «Старты надежд», и заехавший тренерский состав не даёт тебе спуска, если ты не знаешь правил судейства в лёгкой атлетике или в плавании, например. Ты — вожатый «Орлёнка»! Изволь соответствовать! И мы становимся тренерами, садимся в судейские коллегии и начинаем осваивать все эти нормы. Но при этом мы остаёмся вожатыми и говорим тренерам: «Давайте чуть-чуть прервём тренировки, давайте сводим детей на прогулку, давайте просто покажем им звёздное небо, пусть хоть раз посмотрят, что такое обсерватория». Каждая смена в нашем лагере по-разному складывалась, но именно в такой работе рождается твоя уникальность и универсальность.

Я благодарна Вере Петровне Бедерхановой, она многим вещам нас научила. Она говорила: «Вожатый должен знать многое, но что-то одно — особенно хорошо. Вожатый не должен бояться сказать “я не знаю”, но при этом добавит “но я обязательно узнаю и буду готов ответить тебе завтра”». Сейчас проще, вожатый может посмотреть в телефоне и тут же выдать ответ, а нам приходилось очень много работать и много читать, чтобы соответствовать.

Мы учились авиационной медицине в Доме авиации, бумажной пластике в Доме творчества, хронометражу и маршрутам экскурсий у экскурсоводов и шофёров «Орлёнка»... И сейчас, когда мои дорогие коллеги говорят: «Пришло другое поколение, пришли другие дети, значит, вожатые должны быть другими», я не соглашусь. Вожатые — это тоже дети, и каждый раз новое поколение вожатых соответствует новому поколению детей, когда ты переходишь из статуса в статус, из категории в категорию, сначала старшего вожатого, потом наставника, ничего не меняется, никто не отменяет сути отношений любви, заботы, понимания, это основное. Хотя каким мы их методикам, технологиям не учили бы, главное — это любовь и гуманизм. Да, вожатые пришли технологичные, технологизированные, но они иногда не понимают, что делают, а иногда наоборот — те ребята, которые выросли в этом лагере, они зачастую лучше чувствуют темп лагеря, вот они и есть настоящие хранители детства.

— Кого бы вы никогда не приняли к себе в вожатский отряд?

— Такого выбора никогда не было, я думаю, что его нет и сейчас, и никакими диагностическими методиками, собеседованиями или предварительной подготовкой мы не определим, должен ли быть этот человек в лагере,

но очень быстро «не того человека» профессия вытолкнет. Вожатство и вожатский отряд очень быстро всё приводят в соответствие, и человек либо уходит сам, либо ему будет предложено уйти. С.А. Шмаков, царство небесное, я ему очень благодарна, много с ним сотрудничала, много на конкурсах вожатых работали вместе в последние годы его жизни. Он научил меня быть экспертом, научил смотреть на людей, и видеть их, и понимать. Мы с ним очень много спорили. Я говорю Сталю Анатольевичу: «Спасибо, вы написали эту песню “Вожатый — профессия-птица”, и все сейчас с этим согласны, только давайте поставим в конце песни «Вожатство — профессия. (Точка)». Он отвечает: «Ну попробуй, докажи, и, когда ты защитишь свою диссертацию, когда разработаешь профессиональную программу вожатого, тогда мы с тобой встретимся и подумаем над окончанием песни». И я защитила диссертацию, я разработала профессиональную программу, оппонентом у меня была Вера Петровна Бедерханова. И сейчас я могу утверждать, Сталь был прав: «Вожатый — профессия-птица».

— **А какая была тема вашей кандидатской диссертации?**

— Воспитание. «Педагогические условия подготовки организаторов детского движения».

— **Если бы вам довелось работать в вузе, который готовит только вожатых, и возглавить методический отдел, то какие дисциплины там преподавались бы?**

— Я, наверное, озвучу мечту всей своей жизни. Я очень хотела бы авторскую школу вожатых. У меня в школе вожатых, в моём методическом ресурсном центре, никогда бы не вставал вопрос о перечне дисциплин. Я бы обучала вожатых на основе проектного подхода. То есть от самоопределения, от видения собственных перспектив и до выбора тех дисциплин, которым они хотели бы учиться. Что меня привлекает в образовании XIX в., XX в., там была возможность сво-

бодного выбора курсов, студенты выбирали не программу, они шли к лекторам. Ещё я стала бы учить вожатых управлению: принципам управления, групповым процессам, психологии управления. Кроме этого, сегодня рынок демонстрирует необходимость научных педагогических исследований, научных подходов к организации жизнедеятельности лагеря. Меня на одной научно-практической конференции в «Орлёнке» практики очень жёстко поставили на место: «Не следует из детского лагеря делать научно-исследовательский институт, не доводите детский отдых до абсурда». Я думаю, что масштабно всем педагогам заниматься наукой не требуется, научные исследования детского отдыха должен делать тот, кому это дано, кто действительно видит, куда вести и что необходимо делать.

— **Ваша любимая песня?**

— Я хочу сказать об уникальной традиции, которая есть в «Роднике». «Родник» — традиционно поющий вожатский отряд, но такой негромкий, это именно «родниковая» традиция. Каждый раз, когда заезжает новый набор в ШПВ, мы только и ждём, кто заедет с гитарой. Уже на первом огоньке становится понятно, будет ли этот человек голосом «Родника». И, если тебя называли голосом «Родника», значит, ты попадаешь в тональность, ты поёшь на одной волне с лагерем «Комсомольский». Буквально несколько дней назад собирался мой выпуск 1982 г., с которыми я сама училась, и мы пели песни, которые нас соединяют. Например, есть традиция сбора вожатых «Орлёнка» в парке «Сокольники», и там, конечно, не обходится без песни «Комсомольская площадь». В «Комсомольском» наша центральная площадь называлась «Комсомольская площадь», поэтому эта песня всегда звучит на наших сборах. Одна из моих самых любимых песен связана с Артеком: «Приходят заботы, весну торопя, / И зимнюю стужу сметая. / Себя вспоминаем мы, встретив тебя, / Так здравствуй, дружина “Лесная”».

Честно, мы пели эту песню в «Орлёнке», немножко исправив: «...здравствуй, дружина родная», потому что она уже стала гимном всех вожатых.

— **Какие книги должны читать вожатые, перед тем как ехать в лагерь?**

— Начнём с того, что не только вожатые, вообще все люди должны просто читать, я не верю ни в какое клиповое мышление, не верю ни в какое скорочтение. Читать нужно всем, читать много, читать все детские книги, обязательно читать Крапивина, потому что, если ты не читаешь Крапивина, ты не понимаешь лагеря. Уверена, что каждое время задаёт свой ритм. Читать нужно классику, мы много с нашими вожатыми читали Брэдли «Вино из одуванчиков», чтобы почувствовать настроение детства, его атмосферу. Обязательно прочитать «Над пропастью во ржи». Весь смысл педагогической профессии в этой книге: не надо никого ничему учить, потому что «учиться» — это возвратный глагол, но вы, взрослые, встаньте над пропастью, просто чтобы ребёнок от чего-то уберечь. Ну и, конечно, все те книги, которые на данном этапе читают дети. Я была очень благодарна команде Елены Ивановны Казаковой из Санкт-Петербурга, когда они в нашем лагере провели большую ролевою игру «Хоббитские игры». Мне труднее всего было самой оставаться вне игры, потому что мне было важно удерживать вожатский отряд на уровне рефлексии и напоминать им: «Отстранитесь, вы не эльфы, не хоббиты, и дети должны домой вернуться не эльфами». Если тогда был Тол-

ПИОНЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

киен, сейчас точно так же дети зачитываются Гарри Поттером.

Хотя делать профильные смены по какому-то производству, тоже не совсем верно. Лагерь нужно сохранить как место отдыха, природосообразности, сообразности своей природе, сообразности природе детства. Технологии дети в конце концов осваивают и в городе, а наша миссия сохранить, передать, транслировать детство, не имитируя, не подменяя, не ностальгируя о прошлом, а глядя в будущее. Глядя на своих молодых коллег, я уверена в будущем лагерей.

— **Если бы вы могли обратиться ко всем директорам лагерей нашей огромной страны, чтобы вы сказали накануне лета 2022, какое пожелание дали бы?**

— С большой радостью, с большой любовью. Дорогие коллеги, многих знаю, многих помню, многих люблю, могу пожелать только сил, терпения, здоровья, мужества. Мужества в сохранении себя, хранении традиций, бесконечной любви друг к другу, к нашему уникальному братству! Ну и, как я всегда говорила своим вожатым, — «Лето будет! Лето будет, и будет всё заново, будет в берег другой накат, будет новых закатов зарево, будут новые лица ребят!» **НО**

Meeting With A Legend

Our interlocutor is Olga Georgievna Mironets, Candidate of Pedagogical Sciences, expert of the Perm regional branch of the Interregional Public Organization "Promotion of Children's Recreation", the legendary senior counselor of the Orlyonok Children's Center, Perm

Abstract. A conversation about the preservation of the traditions of children's camps in Russia, about the fate of counselors, about how the personal is intertwined with the public.

Keywords: Counselor, summer camps, children's camps, traditions and innovations, education, educating teachers, games.